

О. А. Сухова
**ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)***

doi: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-63-71

УДК 94(470.40)“18/19” ББК 63.3(234)53

Актуальность выбранной проблематики объясняется необходимостью изучения публичной сферы российского общества в период либерализации, становления парламентаризма, Первой мировой войны и революционных потрясений как важнейшего адаптационного ресурса и индикатора формирования модерности. Выступая закономерным следствием реализации просветительской парадигмы, эволюционируя от формата правительственной инициативы побуждения к самоевропеизации к утверждению и усвоению практик самоорганизации и самодеятельности на имперском и провинциальном уровнях, публичное пространство отражало условия обеспечения социально-политической стабильности и устойчивого развития общества. В статье автор рассматривает процесс формирования публичной сферы российской провинции, раскрывает вопросы периодизации, характера и специфики институционального оформления социальной динамики в этом направлении. Корпус источников формируют материалы Государственного архива Пензенской области, прежде всего делопроизводственная документация губернского по делам об обществах и союзах присутствия. Оценивая функциональное предназначение публичной сферы, автор сосредоточил свое внимание на адаптационных возможностях гражданской солидаризации и потребности в самоидентификации локального сообщества. В этой связи акцентируется кризисно-циклическая логика развития массового гражданского сознания и соответствующих форм социальной активности: необходимость согласования общих интересов осознавалась властью по мере обострения вызовов внешнего и внутреннего порядков. Критерием периодизации выступает активизация нормативной деятельности в отношении публичной сферы, что позволяет выделить два этапа утверждения основ гражданского общества в российской провинции — 1870–1905 гг. и 1906–1917 гг.

Ключевые слова: *локальное сообщество, публичная сфера, Пензенская губерния, вторая половина XIX — начало XX в., губернское присутствие по делам об обществах и союзах, общественные объединения*

В современных исследованиях концепт «публичная сфера» выступает особым маркером, позволяющим оценить степень зрелости гражданской культуры в условиях перехода к обществу модерна, ресурсом социоструктурной трансформации и становления (мобилизации) новых моделей социализации и поведения.¹ В своей основе концепты «публичное» и «публика», соотносимые с признаками «видимое», доступное другим и коллективное, «коммуникативное»² действие восходят к прог-

рамной работе выдающегося представителя Франкфуртской школы Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы», опубликованной в 1962 г. «Увиденное» Хабермасом оказалось столь жизнеспособным, что не растеряло своей познавательной ценности в ходе 60 лет дискуссий и продолжает оставаться основой для возникновения новых концепций.³ К числу наиболее значимых положений следует отнести функциональное значение публичной сферы как фактора политической интеграции граждан и формирования «нового нормативного самосознания», нацеленного на усвоение заданных технологическим развитием ценностных установок, ориентаций и предпочтений, на утверждение модерности.⁴ Общей же канвой

¹ См.: Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 53–67.

² См.: Ярская-Смирнова Е., Романов П. Публичная сфера: программа исследования // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М., 2013. С. 8; Вербилович О. Теория

коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. С. 35–52.

³ См.: Вайзер Т. Другой Хабермас? // Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика. М., 2023. С. 13.

⁴ См.: Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика (2022). М., 2023. С. 22, 23, 26, 27.

Сухова Ольга Александровна — д.и.н., профессор, Пензенский государственный университет (г. Пенза)
E-mail: suhhov747@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-20015 «Власть и общество Пензенского края в XIII–XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности» (рук. О. А. Сухова)

концепта остается проявление тенденции к ведению «публичной рационально-критической дискуссии», что аргументирует переход к современным интерпретациям гражданского общества в формате теории коммуникативного действия и социальной идентичности.⁵ В рамках этого подхода в качестве основы гражданского общества рассматриваются добровольные ассоциации, предложившие новые, отличные от сословных, формы социальной активности и самоопределения.⁶

В отечественной историографии исследователи обратились к изучению истории общественных объединений еще в 1880-е гг.⁷ Не вызывая идеологического диссонанса, данная проблематика успешно разрабатывалась и в советский период.⁸ В 1990-х — начале 2000-х гг. интерес исследователей к изучению публичной сферы и гражданского общества стремительно возрос, что объясняется необходимостью научного осмысления результатов российской либерализации и освоением методологического инструментария зарубежной историографии.⁹

Возникновение публичной сферы в российской истории исследователи относят ко второй половине XVIII столетия, отмечая инструментальный характер правительственной инициативы побуждения к самоевропеизации, ресурсного обеспечения геополитического прорыва и специфику российского Просвещения.¹⁰ Столь явное участие государства в создании «публики» во многом объясняет последовательную де-

политизацию любого дискурса в этом направлении. Нотки сомнения в существовании этого феномена проступают на фоне прочности уз самодержавия и «антириторического» характера домодерной русской культуры, производного от православной религиозной традиции.¹¹

Следующим этапом в деле становления публичности и гласности в России считается эпоха Великих реформ. При разработке вопроса о факторах взрывного и плохо контролируемого роста публичной сферы в это время весьма продуктивным является технологическое «прочтение» исторических реалий. Так, на примере появления технологии, позволявшей «зафиксировать» публичную сферу, — стенографии рассматривает этот процесс С. Ловелл.¹²

Период конца XIX в. Ю. Хабермас характеризует как время нового интервенционизма, вмешательства публичной власти с целью освоения интересов буржуазного общества, но вместе с тем и активизации встречного процесса «замещения государственной власти общественной».¹³ Аналогичный вывод встречаем и у Б. Н. Миронова: в ходе декорпорирования общества добровольные ассоциации заполняли организационный вакуум.¹⁴

Одним из актуальных трендов современной историографии является регионализация научных разработок.¹⁵ Научные центры по изучению публичной сферы формируются в Центральной России, на Урале и в Сибири. Так, на материалах Урала становление общественных объединений как социокультурного феномена городской повседневности и соответствовавшей

⁵ Хабермас Ю. Социокультурная трансформация публичной сферы // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. С. 249.

⁶ См.: Bradley J. *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Sciences, Patriotism and Civil Society*. Cambridge (Mass.), 2009. P. 5; Туманова А. С. Современная западная историография гражданского общества позднимперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 160.

⁷ См.: К истории Московского английского клуба // Русский архив. 1889. Т. 27. С. 85–98.

⁸ См., напр.: Щиглик А. И. Добровольные общества в переходный период от капитализма к социализму // Вопросы теории и истории общественных организаций. М., 1971. С. 173–231; Степанский А. Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 204–208; Он же. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1982; и др.

⁹ См.: Карпачев М. Д. Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. С. 197–398; Туманова А. С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002; Она же. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.

¹⁰ См.: *The Europeanized Elite in Russia, 1762–1825: Public Role and Subjective Self* (NIU Series in Slavic, East European, and Eurasian Studies). DeKalb, 2016; Каплун В. А. Общество до общественности: «общество» и «гражданское общество» в культуре российского Просвещения // От общественного к публичному. СПб., 2011. С. 395–486.

¹¹ См.: Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т. Двести лет опыта от буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // *Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России*. М., 2021. С. 68.

¹² См.: Ловелл С. Публичная сфера в России в эпоху стенографии // *Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России...* С. 258–311.

¹³ Хабермас Ю. Социокультурная трансформация публичной сферы... С. 227.

¹⁴ См.: Миронов Б. Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднимперской России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. Т. 11, № 3. С. 165.

¹⁵ См.: Соболева О. Ю. Региональные легальные общественные организации на рубеже XIX–XX вв. (1890–1914): на материалах Ярославской и Костромской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1993; Туманова А. С. Неполитические общественные организации г. Тамбова в нач. XX в. (1900–1917): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996; Хаченья А. Л. Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999; Добрава О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX — начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007; Первушкин В. И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза, 2007; Он же. «Быть неутомимыми работниками на пользу родной исторической науки...». История Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерний ученых архивных комиссий. Пенза, 2008.

формы массового гражданского сознания рассматривает Е. Ю. Казакова-Апкаримова.¹⁶ Принципиальное значение имеет предложенная ею типология неправительственных формальных (зарегистрированных) союзов: по цели образования, самостоятельности принятия решений, численности, территории, потребностям.¹⁷ По мнению автора, в числе объединений доминировали общества инструментального типа (создаваемые для достижения определенной цели). Иные потребности реализовывались в общественных организациях экспрессивного типа, ориентированных на эмоциональное участие, собственно на деятельность социальной направленности.¹⁸

Резюмируя результаты разработки проблем развития публичной сферы в российской провинции, отметим ключевые положения, сохраняющие условия для обсуждения: роль государства в деле «самоорганизации» коммуникативного (негосударственного) пространства; периодизация процесса во взаимосвязи с переходом от традиционного к современному обществу и формированием модерн-сознания; функциональное предназначение и результативность (укрепление адаптационного ресурса или свидетельство низкой эффективности политического управления); классификация объединений, и, наконец, специфика региональных моделей. Особую остроту дискуссии придает столкновение двух взаимоисключающих подходов в оценке социальных последствий «насаждения» общественности: с одной стороны, трансформация социально-политической природы имперского государства, институциональная перестройка и усиление меритократического принципа способствовали успешной и поступательной модернизации механизмов социально-политического взаимодействия;¹⁹ с другой стороны, становление гражданского общества рассматривается как фактор роста

конфликтного потенциала «между ощутившим себя самодостаточным обществом и властью».²⁰

Характеристика основных тенденций концептуализации проблемы позволяет определить цель исследования как анализ специфики формирования публичной сферы российской провинции в условиях трансформационного воздействия реформ второй половины XIX — начала XX в. (на материалах Пензенской губернии). При этом объектом исследования выступает гражданское общество, а предметом — специфика формирования и трансформации сферы социальных коммуникаций и взаимодействия, рассмотренная на примере деятельности добровольных общественных ассоциаций Пензенской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Доказательной базой является комплекс документов Государственного архива Пензенской области (ГАПО), прежде всего делопроизводственная документация губернского по делам об обществах и союзах присутствия: деловая переписка, протоколы заседаний, прошения, ходатайства губернатору от отдельных граждан и ассоциаций, уставы обществ и пр., а также периодическая печать.

На начальном этапе формирования публичной сферы учредительная инициатива была прерогативой исключительно местного дворянства. Так, в 1848 г. с целью хозяйственного описания Пензенской и Саратовской губерний, распространения опытного дела и совершенствования агротехнологий было образовано Общество сельского хозяйства Юго-Восточной России — первое негосударственное объединение в регионе.²¹ Стоявшие у его истоков И. В. Сабуров, А. А. Тучков, И. В. Селиванов, Н. П. Огарев, А. Д. Желтухин и др. были сторонниками прогрессивных социальных перемен.²² Деятельность губернского статистического комитета, учрежденного в 1835 г. в ведении МВД и под председательством губернатора, вплоть до 1863 г. носила формальный характер. Подлинная же его история как научного общества начинается с 1887 г. благодаря инициативам нового пензенского губернатора А. Н. Волкова.²³ Необходимо подчеркнуть,

¹⁶ См.: Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2008.

¹⁷ Чаще всего основным принципом классификации определяется группировка по целевому признаку. См.: Котляр Н. В. Общественные организации в дореволюционной России: вопросы классификации // Genesis: исторические исследования. 2021. № 6. С. 41–55. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32265 (дата обращения: 25.12.2024).

¹⁸ См.: Казакова-Апкаримова Е. Ю. Горожане и общественные организации на Урале во второй половине XIX — начале XX в.: граждане или «стючки»? // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 41.

¹⁹ См.: Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. С. 310.

²⁰ Любичанковский С., Владимирцева В. Гражданское общество в русской провинции? Просветительская инициатива в Оренбургской губернии в последние десятилетия империи // Родина. 2010. № 6. С. 9.

²¹ См.: Тюстин А. В. Общество сельского хозяйства Юго-Восточной России // Пензенская энциклопедия: в 2 т. Пенза, 2019. Т. 2. С. 79, 80.

²² См.: Терентьев В. В. Соавторы или оппоненты? (взаимодействие власти и провинциального дворянства при подготовке отмены крепостного права). Прага, 2020. С. 84, 85.

²³ См.: ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 605. Л. 43.

что для российской провинции появление харизматичного лидера, увлеченного идеей гражданской самоорганизации, было условием исключительного порядка (И. И. Спрыгин, А. Н. Магницкий, Н. Ф. Езерский, П. Ф. Орелкин, Д. К. Гевлич и др.).²⁴

Анализируя специфику общественной жизни Пензенской губернии в пореформенный период, авторы традиционно акцентируют внимание на «периферийном типе модернизации», выразившемся в «негородском» и «неиндустриальном» характере ее развития.²⁵ Общественное самоорганизующее начало проявилось в большей степени в благотворительной и культурно-просветительской деятельности, тогда как, скажем, в Саратовской губернии — в работе различного рода объединений, союзов, комитетов, имевших профессионально-политическую направленность.²⁶ Тем самым фактором, сдерживавшим трансформационное воздействие, выступила слабость урбанизационных процессов и деловой активности в регионе. В большей степени рост общественной инициативы проявится в деятельности земских и городских органов самоуправления.²⁷

При рассмотрении региональных особенностей периодизации развития публичной сферы наблюдается смещение времени активации и амплитуды волн гражданского самоопределения, что позволяет выделить два этапа — 1870–1905 гг. и 1906–1917 гг. Период 1870–1890-х гг. в истории Пензенской губернии был отмечен весьма ощутимой динамикой роста общественных объединений благотворительного (попечительского) и просветительского характера. Так, в губернском центре из 41 учреждения и общества, деятельность которых была учтена в конце XIX в., только 6 были основаны до 1870 г.²⁸ Практики социального служения распространялись в рамках политически санкциониро-

ванного сегмента публичной сферы, построенного на традиционных духовно-нравственных основаниях и православной идентичности, что позволяет говорить об определенном религиозном ренессансе российской провинции.

Ярким примером утверждения ценностей социального партнерства и благотворительности в Пензе стали инициативы супруги губернатора Л. А. Татищева. В 1873 г. ее стараниями в губернском центре создаются Общество для поощрения трудолюбия и ремесленная школа для девочек. В 1876 г. Татищева возглавила Пензенское отделение Общества попечения о больных и раненых воинах Красного Креста, организовала госпиталь и дамский кружок для оказания помощи раненым,²⁹ что указывает на укрепление тренда на социальную солидарность и взаимодействие в периоды военных конфликтов. Инициатором создания Пушкинского общества взаимного вспоможения учащим и учившим в губернии в 1899 г. выступил статский советник, педагог П. Ф. Орелкин (с 1898 г. инспектор местных народных училищ). Орелкин состоял действительным членом Пензенского губернского статистического комитета, а позднее Ученой архивной комиссии, комитета попечительства о народной трезвости.³⁰

Свидетельством замедленного модернизационного отклика, узости слоя научной интеллигенции служит факт более позднего создания в губернии ученой архивной комиссии. Как известно, с принятием 13 апреля 1884 г. «Положения о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях» аналогичные общества научной направленности появились в Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской губерниях. Пензенская губернская ученая архивная комиссия была учреждена лишь 9 сентября 1901 г. Одновременно в среде преподавателей учебных заведений Пензы возникает идея создания ассоциации по распространению естественноисторических знаний. Об открытии нового объединения — Пензенского общества любителей естествознания — было объявлено на общем собрании 28 апреля 1905 г.³¹

Серьезным вызовом для имперских властей, обусловившим активизацию нормативной деятельности в отношении публичной сферы, стал голод 1891–1892 гг. Масштабы очередного

²⁴ См.: Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии... С. 225, 226.

²⁵ См.: Нестеренко Е. Н. Общественная жизнь российской провинции последней четверти XIX в. (на материалах Саратовской и Пензенской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010. С. 3; Карнишина Н. Г., Карнишин В. Ю., Шевнина О. Е. Провинциальный город Российской империи последней четверти XIX — начала XX вв.: опыт исторического моделирования. Пенза, 2022. С. 10.

²⁶ См.: Нестеренко Е. Н. Общественная жизнь российской провинции... С. 12, 13, 19.

²⁷ См.: Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX — начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. С. 223.

²⁸ См.: Благотворительные учреждения Российской Империи. Составлено по высочайшему повелению Собственной Его Императорского Величества Канцеляриию по учреждениям императрицы Марии. СПб., 1900. Т. 2. С. 497–501.

²⁹ См.: ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–10б., 14.

³⁰ См.: ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 3–4; Тюстин А. В. Орелкин Петр Федорович // Пензенская энциклопедия: в 2 т. Пенза, 2019. Т. 2. С. 103.

³¹ См.: Первушкин В. И. Краеведческое движение // История Пензенского края. Пенза, 2024. Т. 3. С. 252, 256.

кризиса потребительской системы и угрозы продовольственной безопасности свидетельствовали об исчерпании традиционных стимулов аграрного развития России. Выходом из сложившейся ситуации стало расширение возможностей для самоорганизации сельского населения. Это направление развития публичной сферы можно охарактеризовать как кризисно-компенсационное. Здесь пределы допустимой свободы ограничивались типовыми «нормальными» уставами потребительных обществ (13 мая 1897 г.) и сельскохозяйственных товариществ (28 февраля 1898 г.), утвержденными Министерством внутренних дел и Министерством земледелия и государственных имуществ соответственно.

Важнейшим каналом формирования публичной сферы выступает периодическая печать, ответственная за собственно информационное сопровождение деятельности ассоциаций и тем самым создающая и структурирующая публичное в общественном сознании. В 1830–1860-е гг. исключительным средством социально-политической коммуникации оставались правительственные издания. В этом смысле роль государства в создании «публики» сложно переоценить. Так, главным рупором власти во второй половине XIX в. становится газета «Северная почта» (1862–1868), преобразованная в 1869 г. в «Правительственный вестник» (1869–1917). Основными читателями издания на протяжении всего рассматриваемого периода оставались провинциальная интеллигенция и чиновничество.³² Создание правительственных печатных органов на провинциальном уровне относится к 1830-м гг. Первоначально «в виде опыта» «Губернские ведомости» начинают печатать в Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской губерниях. Первый номер «Пензенских губернских ведомостей» вышел в свет в 1838 г.³³ Но только с 1878 г., став ежедневной, газета составила реальную конкуренцию центральным изданиям. Частная газетная периодика появляется в провинции в 1860-е гг.,³⁴ в Пензе — в 1875 г. — «Справочный листок Моршанско-Сызранской железной дороги»,

учредителем которого стал В. Н. Умнов, купец 2-й гильдии, видный общественный деятель.³⁵ В начале XX в. деловая активность в сфере СМИ заметно возрастет и выйдет за пределы губернского центра: периодические издания будут выходить в ряде уездных городов — Саранске, Краснослободске и Нижнем Ломове.³⁶

Переломным моментом в деле пробуждения общественной инициативы и солидаризации провинциального сообщества становится принятие 4 марта 1906 г. именного указа Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах. В системе местного управления появилось новое ведомство — губернское по делам об обществах присутствие для «заведывания делами об открытии, регистрации, воспрещении и закрытии обществ и союзов».³⁷ Полномочия центральных ведомств имперского управления были переданы на места, что в совокупности с заданными пределами либерализации «публичного» привело к ускорению социокультурной динамики в российской провинции. Происходит стремительное освоение практик, характерных для столичного сообщества, и одновременно начинается трансформация принципов социальной консолидации, переход от освоения сословности и элитарности дворянских объединений к новым доминантам, связанным прежде всего с профессионализацией и демократизацией публичного пространства. Это повлияло и на структуру добровольных ассоциаций Пензенской губернии. Так, по подсчетам О. В. Добровой, в начале XX в. в публичной сфере региона также начинают доминировать профессиональные общества — 67,5 %, в то время как общества благотворительной направленности составляли 7 %, а культурно-просветительской — 5 %. Самым значительным было Пензенское вспомогательное общество торгово-промышленных служащих, численность участников которого превышала 500 человек.³⁸

Возвращаясь к проблеме группировки и классификации объединений, отметим тесную связь с развитием российского парламентаризма и стимулированием развития именно этого направления (по аналогии с дворянскими

³² См.: Апон М. Е. Официальная печать как инструмент взаимодействия власти и общества в пореформенной России // Власть. 2010. № 4. С. 102–105.

³³ См.: Годин В. С., Мурашов Д. Ю. Периодическая печать Пензенского края // Пензенская энциклопедия: в 2 т. Пенза, 2019. Т. 2. С. 214; История Пензенского края XIX века // История Пензенского края: в 3 т. Пенза, 2023. Т. 2. С. 496.

³⁴ См.: Апон М. Е. Указ. соч. С. 103.

³⁵ См.: Тюстин А. В. Умнов Виктор Николаевич // Пензенская энциклопедия: в 2 т. Пенза, 2019. Т. 2. С. 575.

³⁶ См.: Годин В. С., Мурашов Д. Ю. Указ. соч. С. 214.

³⁷ Именной указ Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах 4 марта 1906 г. // Конституция РФ. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/> (дата обращения: 28.05.2024).

³⁸ См.: Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX — начале XX века. С. 226–228.

комитетами в преддверии крестьянской реформы). Так, отдел «Общества мирного обновления» был учрежден в Пензе 9 ноября 1906 г. в целях объединения политической и общественной деятельности лиц, стремившихся к последовательному проведению законным путем в жизнь России начал конституционной монархии.³⁹ В это же время Главный совет Союза Русского народа открывает отделы в городах Пензе и Инсаре, в селах Лунино, Шувары.⁴⁰

Не менее значимым выступало обеспечение социально-политической стабильности и пресечение инициатив антиправительственной направленности. В частности, при рассмотрении устава общества «Приказчиков и торгово-промышленных служащих г. Пензы» было указано на необходимость корректировки цели объединения («полное освобождение торгового труда от гнета капитала в г. Пензе») и исключения упоминания о праздновании 1 мая при характеристике деятельности союза. После внесения поправок в устав общество было зарегистрировано 18 ноября 1906 г.⁴¹

Очевидная близость к объединениям политического толка не исчерпывала функционала профессиональных союзов, ориентированных на интеграцию и организацию взаимопомощи и материального обеспечения нуждающихся членов и трансляцию общих интересов в политическую сферу. Тем не менее, по сведениям губернского жандармского управления, в профессиональной публичной сфере отмечались определенная политизация и рост революционной активности.⁴²

Социальное попечение и благотворительность сохранили свои позиции в структуре публичной сферы российской провинции и в начале XX столетия.⁴³ В целом же в делопроизводственной документации прослеживается следующая группировка объединений: благотворительные, взаимопомощи, увеселительные, просветительские, кредитные, профессиональные, потребительские, пожарные, сельскохозяйственные и др.⁴⁴ Объединения просветительского толка тяготели к практикам освоения элитарной публичной культуры: Общество им. М. Ю. Лермонтова в г. Пензе, Городищен-

ский Кружок любителей драматического искусства, Николо-Пестровский Кружок любителей драматического искусства и др.⁴⁵

Рост деловой активности в крестьянской среде и задачи усовершенствования сельского хозяйства и сельской промышленности в начале XX в. послужили стимулом к солидаризации сельского населения губернии. Создание 5 октября 1912 г. Пензенского центрального сельскохозяйственного общества предопределило значительное изменение ландшафта публичной сферы («район действий» — «вся губерния»)⁴⁶ В общей сложности к началу 1917 г. в регионе было учтено десять подобных объединений.⁴⁷

За счет приливной волны кооперативного движения публичное пространство выйдет далеко за пределы городов, что указывает на последовательную демократизацию процесса. Так, к апрелю 1910 г. в губернии в общей сложности действовало 71 кооперативное учреждение: кредитные товарищества — 55 обществ, общества потребителей — 13, из них 4 в Пензе.⁴⁸

В годы Первой мировой войны кризисное состояние потребительской сферы и «дороговизна» спровоцировали резкий рост потребительских обществ. И если за 1890-е годы и до начала военных действий в регионе было создано 81 объединение потребителей, то только в 1916 г. их было учреждено 115, а всего к этому времени действовало 267 обществ.⁴⁹ В целом же губернское присутствие зафиксировало в регионе деятельность 362 общественных объединений.⁵⁰ Область политической свободы, определенная условиями временных правил об обществах и союзах по Указу от 4 марта 1906 г., способствовала формированию культуры социальной ответственности и гражданского участия, выступала средством адаптации к вызовам времени, активизировала защитные ресурсы социального организма в условиях Первой мировой войны и разраставшегося потребительского кризиса.

Падение монархии и введение «явочного порядка» регистрации обществ и союзов вызвало новую волну самоорганизации провинциального сообщества. Профсоюзное строительство охватило все слои общества от земельных собственников до оркестровых музыкантов, курьеров и служащих конторского труда.⁵¹ Опыт

³⁹ См.: ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 1; Устав Общества мирного обновления (Партии мирного обновления) // Партия мирного обновления. Ее образование и деятельность в I Государственной думе. СПб., 1907. С. 188–192.

⁴⁰ См.: ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 4–6.

⁴¹ См.: Там же. Д. 906. Л. 6.

⁴² См.: Там же. Д. 14. Л. 26–260б.

⁴³ См.: Там же. Д. 910.

⁴⁴ См.: Там же.

⁴⁵ См.: Там же.

⁴⁶ Там же. Д. 89. Л. 3–30б.

⁴⁷ См.: Там же. Д. 912. Л. 1–2.

⁴⁸ См.: Там же. Д. 89. Л. 6–70б.

⁴⁹ См.: Там же. Д. 913. Л. 1–12.

⁵⁰ См.: Там же. Д. 910.

⁵¹ См.: Там же. Д. 886. Л. 1–3, 24, 39, 52.

организации публичного пространства был успешно использован пензенским крестьянством для проведения губернских съездов в апреле–мае 1917 г.⁵²

Таким образом, специфику становления и развития публичной сферы Пензенской губернии во второй половине XIX — начале XX в. определяет неравномерность адаптационного отклика на модернизационные процессы: замедленная динамика в период 1870-х — нача-

ла 1900-х гг. и стремительный рост числа ассоциаций в 1906–1917 гг. Столь же различаются направленность и принципы деятельности объединений: если на первом этапе сохраняются традиционные практики социального служения, построенные на православной идентичности, то в рамках второго активизируются процессы профессионализации и демократизации движения, происходит освоение ценностных оснований общества модерна.

Olga A. Sukhova

Doctor of Historical Sciences, Penza State University (Russia, Penza)

E-mail: suhhov747@yandex.ru

THE PUBLIC SPHERE OF THE RUSSIAN PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY (BASED ON MATERIALS FROM THE PENZA REGION)

The relevance of the chosen issues is explained by the need to study the public sphere of Russian society during liberalization, the formation of parliamentarism, the First World War and revolutionary upheavals as the most important adaptation resource and indicator of the formation of modernity. The public space, acting as a consequence of the implementation of the enlightenment paradigm, evolving from the format of a government initiative to encourage self-Europeanization to the approval and adoption of practices of self-organization and initiative at the imperial and provincial levels, reflected the conditions for ensuring socio-political stability and sustainable development of society. The author examines the process of formation of the Russian province's public sphere, reveals issues of periodization, the nature and specificity of the institutional design of social dynamics in this direction. The corpus of sources is formed by materials from the State Archive of the Penza Region, first of all, the administrative documentation of the Governor's Office for Affairs of Societies and Unions. Assessing the functional purpose of the public sphere, the author focuses on the adaptive capabilities of civil solidarity and the need for self-identification of the local community. In this regard, the crisis-cyclical logic of the development of mass civic consciousness and corresponding forms of social activity is emphasized: the need to harmonize common interests was recognized by the authorities as the challenges of the external and internal orders intensified. The criterion for periodization is the intensification of normative activity in relation to the public sphere, which allows distinguishing two stages in the establishment of the civil society foundations in the Russian province: 1870s–1905 and 1906–1917.

Keywords: *local community, public sphere, Penza province, second half the 19th — early 20th centuries, Governor's office for affairs of societies and unions, public associations*

REFERENCES

- Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Dashkevich L. A. et al. *Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII — nachalo XX v.): regional'noye izmereniye* [Actors of the Russian Imperial Modernization (18th — Early 20th Centuries): Regional Aspect]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2016. (in Russ.).
- Apon M. E. [The Official Press as a Communication Tool between the Authorities and Society in the Post-Reform Russia]. *Vlast'* [The Authority], 2010, no. 4, pp. 102–105. (in Russ.).
- Atnashev T., Velizhev M., Weiser T. [Two Centuries of Experience from the Bourgeois Public Sphere to Russian Regimes of Publicity]. *Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [An Imperfect Public Sphere. History of Publicity Regimes in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 5–81. (in Russ.).
- Bradley J. *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Sciences, Patriotism and Civil Society*. Cambridge; London: Harvard University Press, 2009. (in English).
- Dobrova O. V. *Obshchestvennyye organizatsii Penzenskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka: kand. dis.* [Public Organizations of the Penza Province in the Second Half of the 19th — Early 20th Century: Diss. Cand.]. Penza, 2007. (in Russ.).

⁵² См.: ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 123. Л. 820б.

Godin V. S., Murashov D. Yu. [The Periodical Press of the Penza Region]. *Penzenskaya entsiklopediya* [Penza Encyclopedia]. Penza: Oblastnoy izdatel'skiy tsentr Publ., 2019, vol. 2, p. 214. (in Russ.).

Habermas J. [Socio-Structural Transformation of the Public Sphere]. *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadia* [Public Sphere: Theory, Methodology, Case Studies]. Moscow: Variant Publ; TSSPGI Publ., 2013, pp. 226–265. (in Russ.).

Habermas J. *Novaya strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery i deliberativnaya politika* [A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. (in Russ.).

Istoriya Penzenskogo kraya. T. 2. Istoriya Penzenskogo kraya XIX veka [History of the Penza Region. Vol. 2. History of the Penza Region in the 19th Century]. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti Publ., 2023. (in Russ.).

Istoriya Penzenskogo kraya. T. 3. Penzenskiy kray v XX — nachale XXI veka [History of the Penza Region. Vol. 3. The Penza Region in the 20th — Early 21st Century]. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti Publ., 2024. (in Russ.).

Kaplun V. A. [Society before the Public: “Society” and “Civil Society” in the Culture of the Russian Enlightenment]. *Ot obshchestvennogo k publichnomu* [From the Public to the Publicly]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2011, pp. 395–486. (in Russ.).

Karnishina N. G., Karnishin V. Yu., Shevnina O. E. *Provintsial'nyy gorod Rossiyskoy imperii posledney chetverti XIX — nachala XX vv.: opyt istoricheskogo modelirovaniya* [Provincial Town of the Russian Empire of the Last Quarter of the 19th — Early 20th Centuries: An Experience of Historical Modeling]. Penza: Privolzhskiy Dom znaniy Publ., 2022. (in Russ.).

Karpachev M. D. [Socio-Political Thought of the Post-Reform Period]. *Ocherki russkoy kul'tury XIX veka. T. 4. Obshchestvennaya mysl'* [Essays of 19th Century Russian Culture. Vol. 4. The Social Thought]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 2003, pp. 197–398. (in Russ.).

Kazakova-Apkarimova E. Yu. [Urban Population and Public Organizations in the Urals in the Second Half of the 19th — Early 20th Century: Citizen or Null?]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2013, no. 1 (38), pp. 40–45. (in Russ.).

Kazakova-Apkarimova E. Yu. *Formirovaniye grazhdanskogo obshchestva: gorodskiy soslovnnyye korporatsii i obshchestvennyye organizatsii na Srednem Urale vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* [Formation of the Civil Society: The Urban Class Corporations and Public Organizations in the Middle Urals in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. Ekaterinburg: Institut istorii i arheologii UrO RAN Publ., 2008. (in Russ.).

Khachenyan A. L. *Obshchestvennyye organizatsii Nizhnego Povolzh'ya na rubezhe XIX–XX vv.: kand. dis.* [Public Organizations of the Lower Volga Region at the Turn of the 19th–20th Centuries: Diss. Cand.]. Volgograd, 1999. (in Russ.).

Kotlyar N. V. [Public Organizations in Prerevolutionary Russia: Classification Issues]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Research], 2021, no. 6, pp. 41–55. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.6.32265 (in Russ.).

Lovell S. [A History of Public Speaking in the Stenographic Age]. *Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [An Imperfect Public Sphere. History of Publicity Regimes in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 258–311. (in Russ.).

Lyubichankovsky S., Vladimirtseva V. [Civil Society in the Russian Province? Educational Initiative in the Orenburg Governorate in the Last Decades of the Empire]. *Rodina* [Motherland], 2010, no. 6, pp. 6–9. (in Russ.).

Mironov B. N. [Voluntary Associations and Civil Society of Late Imperial Russia]. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2008, vol. 11, no. 3, pp. 164–176. (in Russ.).

Nesterenko E. N. *Obshchestvennaya zhizn' rossiyskoy provintsii posledney chetverti XIX v. (na materialakh Saratovskoy i Penzenskoy guberniy): avtoreferat kand. dis.* [Social life of the Russian Province in the Last Quarter of the 19th Century (Based on the Materials from the Saratov and Penza Provinces): Abstr. Cand. Diss.]. Tambov, 2010. (in Russ.).

Pervushkin V. I. *“Byt' neutomimymi rabotnikami na pol'zu rodnoy istoricheskoy nauki...”. Istoriya Tambovskoy, Saratovskoy i Penzenskoy gubernskikh uchenykh arkhivnykh komissiy* [“To be Tireless Workers for the Benefit of Our Native Historical Science...”. History of the Tambov, Saratov and Penza Provincial Scientific Archival Commissions]. Penza: PGPU Publ., 2008. (in Russ.).

- Pervushkin V. I. [Local History Movement]. *Istoriya Penzenskogo kraya* [History of the Penza Region]. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti Publ., 2024, vol. 3, pp. 252–261. (in Russ.).
- Pervushkin V. I. *Gubernskiye statisticheskiye komitety i provintsial'naya istoricheskaya nauka* [Provincial Statistical Committees and Provincial Historical Science]. Penza: PGPU Publ., 2007. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskiye problemy modernizatsii* [A Transition from the Traditional to the Industrial Society: The Theoretical and Methodological Problems of Modernization]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. (in Russ.).
- Shchiglik A. I. [Voluntary Societies in the Transition Period from Capitalism to Socialism]. *Voprosy teorii i istorii obshchestvennykh organizatsiy* [Issues of the Theory and History of Public Organizations]. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 173–231. (in Russ.).
- Soboleva O. Yu. *Regional'nyye legal'nyye obshchestvennyye organizatsii na rubezhe XIX–XX vv. (1890–1914): Na materialakh Yaroslavskoy i Kostromskoy guberniy: kand. dis* [Regional Legal Public Organizations at the Turn of the 19th–20th Centuries (1890–1914): Based on the Materials of the Yaroslavl and Kostroma Provinces: Diss. Cand.]. Ivanovo, 1993. (in Russ.).
- Stepansky A. D. *Obshchestvennyye organizatsii Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: kand. dis*. [Public Organizations of Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries: Diss. Cand.]. Moscow, 1982. (in Russ.).
- Stepansky A. D. [The First Historical Societies in Russia]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1973, no. 12, pp. 204–208. (in Russ.).
- Terentyev V. V. *Soavtory ili opponenty? (Vzaimodeystviye vlasti i provintsial'nogo dvoryanstva pri podgotovke otmeny krepostnogo prava)* [Co-authors or Opponents? (The Interaction between the Authorities and the Provincial Nobility in the Preparation for the Abolition of Serfdom)]. Prague: Sociosfera Publ., 2020. (in Russ.).
- The Europeanized Elite in Russia, 1762–1825: Public Role and Subjective Self*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. (in English).
- Tumanova A. S. [Recent Western Studies of the Civil Society in Late Imperial Russia]. *Rossiiskaia Istorii* [Russian History], 2011, no. 2, pp. 160–167. (in Russ.).
- Tumanova A. S. *Nepoliticheskiye obshchestvennyye organizatsii g. Tambova v nachale XX v. (1900–1917): kand. dis*. [Non-Political Public Organizations of Tambov at the Beginning of the 20th Century (1900–1917): Diss. Cand.]. Voronezh, 1996. (in Russ.).
- Tumanova A. S. *Obshchestvennyye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka* [Voluntary Associations and Russian Public at the Beginning of the XX Century]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2008. (in Russ.).
- Tumanova A. S. *Samoderzhaviye i obshchestvennyye organizatsii v Rossii. 1905–1917 gody* [Tsarist Autocracy and Voluntary Associations in Russia. 1905–1917]. Tambov: Izd-vo TGU Publ., 2002. (in Russ.).
- Tyustin A. V. [Orelkin Petr Fedorovich]. *Penzenskaya entsiklopediya* [Penza Encyclopedia]. Penza: Oblastnoy izdatel'skiy tsentr Publ., 2019, vol. 2, p. 103. (in Russ.).
- Tyustin A. V. [Society of Agriculture of Southeastern Russia]. *Penzenskaya entsiklopediya* [Penza Encyclopedia]. Penza: Oblastnoy izdatel'skiy tsentr Publ., 2019, vol. 2, pp. 79–80. (in Russ.).
- Tyustin A. V. [Umnov Viktor Nikolaevich]. *Penzenskaya entsiklopediya* [Penza Encyclopedia]. Penza: Oblastnoy izdatel'skiy tsentr Publ., 2019, vol. 2, p. 575. (in Russ.).
- Verbilovich O. [Theory of Communicative Action: Key Concepts and Cognitive Potential]. *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadia* [Public Sphere: Theory, Methodology, Case Studies]. Moscow: Variant Publ; TSSPGI Publ., 2013, pp. 35–52. (in Russ.).
- Weiser T. [Another Habermas?] *Habermas J. Novaya strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery i deliberativnaya politika* [A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023, pp. 13–20. (in Russ.).
- Yarskaya-Smirnova E., Romanov P. [Public Sphere: The Research Programme]. *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadia* [Public Sphere: Theory, Methodology, Case Studies]. Moscow: Variant Publ; TSSPGI Publ., 2013, pp. 7–22. (in Russ.).

Для цитирования: Сухова О. А. Публичная сфера российской провинции во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Пензенской губернии) // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 63–71. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-63-71.

For citation: Sukhova O. A. The Public Sphere of the Russian Province in the Second Half of the 19th — Early 20th Century (Based on Materials from the Penza Region) // Ural Historical Journal, 2025, no. 2 (87), pp. 63–71. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-63-71.